

Tul_05_044

23.07.2005. г. Тульчин.

Инф. 1: **Преслер Лилия Исааковна** (1950 г.р., Шпиков)

Инф.2: **Преслер Михаил Срульевич** (1953 г.р., Тульчин)

Соб.: К.Викторова, В.Федченко.

[разговор о детском Пурим-шпиле, в котором участвовал их сын, во всей видимости, в еврейском лагере в Польше. Диктофон включили не сразу – М. Г.]

Инф.1: Он был царь, Ахошверош. Вон он, в белом. Эстер была.

Соб.: А он кого играл?

Инф.1: Царя. Царя, вот.

Инф.2: А мин

Инф.1: Какого мина? Эта... в белом

Соб.: А где это?

Инф.1: Это в Польше. В том же лагере. И они там читали. Они по-русски ставят, но очень красиво. У них преподавательница есть, Дора Иосифовна, так она играла маму, Саша – сына. Здесь у нас, он работает сейчас на почте. Так у этих Колоденкеров, у них внук есть, Шурик. **Так у них такой разговор, как когда-то Шалом Алейхем, как когда-то говорили евреи.** Вы же были у них или нет, девочки? Так тянут слова, вот дядя Саша когда говорит – меня смех берет. А ведь на шабате надо хорошо прислушиваться, что он говорит. У него племянник, так тоже тянет слова.

Соб.: А мне говорили, что этот Саня Шеевич плохо говорит.

Инф.1: Он плохо говорит по-русски, а по-еврейски он говорит. **Всю жизнь же работал на обувной**, у нас там и русские и евреи, и украинцы. Ну я не знаю, это у них такое родовое, и сестра его так и он так. И муж сестры так, и даже племянник. Ну говорит по-русски, я не говорю, что нет. Но так тянут слова, ну евреи... Написано на нем, что он еврей. На лбу написано. Хорошие такие, простые люди. Вот так мы живем.

Соб.: А вот он иврит учит, а идишем интересуется?

Инф.1: Он понимает. Может не все. Потому что мы с ним на идиш не разговариваем. Мы понимает все, стопроцентно, но отдельно слова только. А предложениями нет.

Соб.: А вам приходилось слышать, что шас на идиш кто-то разговаривает?

Инф.1: Вот старые люди, я с ними на шабат хожу вместе. Они на идиш говорят. А я по-русски. Пять слов таких, пять таких.

Соб.: А вы откуда знаете идиш?

Инф.1: Бабушка. Она ж только год как умерла. Она с ним по-русски разговаривала, а если надо по секрету что-то сказать от русских людей, она на идиш. (муж – я лучше говорю на идиш, чем она!)

Соб.: Она с ним в основном на идиш разговаривала?

Инф.1: Да, в основном. А Саша уже научился... Но сейчас уже все. Только слова отдельные. Мы больше на русском. Я, допустим, больше на украинском разговариваю. Школу украинскую закончила. Саша пошел...

русских школ уж ж не было. В 96 пошел в первый класс, садик, вот когда отделились все, стало украинское все.

Инф.2: Сейчас подняли все с ног на голову. Все, кто были Петлюровцы, Бендеровцы- ша стали герои Украины.

Инф.1: И садик на украинском, и школа на украинском. А вот он звонил с Польши по мобилке, так на русском говорит. Там в Виннице ж по-русски разговаривают. Ну у нас районный центр тоже, и многие еврейские дети все на русском. А вот приехал – со мной на украинском. А идиш немножко понимает. Но иврит ему интереснее. Если бы была еврейская школа – он бы обязательно учил. Нас приглашали и в Винницу и в Житомир в еврейскую школу. Но куда? Если он уже столько лет прожил здесь...

Инф. 2: Он сразу говорит: «Мама, у евреев раздельное обучение?»,-она говорит: «Да». –Не, не хочу!

Инф.1: Нас ведь приглашали в такие религиозные. Там, где девочки отдельно, мальчики отдельно. А он светский ребенок, ему надо все вместе.

Соб.: А не бывало такого, что пока бабушка была жива, он ее спрашивал какие-нибудь слова?

Инф.1: Да, да. Все время. Она если что – переведет. Но сейчас нет, потому что мы не разговраивам, так только отдельные слова забрасываем когда-то.

Соб.: А какие, например, слова?

Инф. 1: Ну хлеб – **бройт** по-еврейски. Но мы не говорим так. **Асенгит**, Саша дать тебе **асен? (кушать). Ди гелт**. Приходит ко мне, говорит: «Мама, давай **гелт**, потому что мне надо идти делать фотографии.». Еврейский мальчик... Когда он должен был ехать в Польшу, так мы давали разрешение человеку, который будет отвечать, потому что ему еще нет 18-ти. Так, Степ Александр Семенович. «Мама, это мне с Винницы позвонили и передали данные этого человека. Мама, что это за Степ, что это – русская фамилия? Он что еврей?». Я говорю: «Откуда я знаю, я его не знаю». «Но ведь Семенович, так это наверно он еврей!» И поехал он, значит, в Винницу, с девочкой этой. И там встреча должна была где-то быть на ж/д вокзале. Звонит он мне по мобилке: «Мам, а ты знаешь, он настоящий еврей! Мама! (а мы же с Околиц, возле Печури, здесь Буг и каждый год отдыхали от еврейской общины Винницкой Хэседы, только не в этом году, когда он уехал в Польшу), Ты шо ж не помнишь его, он же с нами каждый год отдыхал, он снимал на видеокамеру все. Он говорит: «Ну давайте будем знакомится! А Саша, Сашу я знаю». Так я посмотрел, он настоящий еврей!». «Мама, как ты думаешь, там будут и русские и евреи?» Я говорю: «Саша, я не знаю, какая тебе разница?». «Разницы нет, но меня просто интересует». Он уже... когда-то мы, я в таком возрасте, я как он... Я еврейка, я считала себя, и все знали, и нас уважали. Но мы боялись, мы не говорили в открытую в школе, допустим, что я еврейка. Знали дети, потому что городок небольшой, там было тоже много в Шпикове евреев. В нашем классе я с сестрой училась, и подруга, только она окончила восемь классов. Три человека нас было. Мы стеснялись. Ну как это было говорить, что мы евреи. А он нет. Сейчас все в открытую. Его друзья

звонят и русские и украинцы, все знают, что он еврей. У меня знакомые все и подруги русские в основном.

Соб.: А у него есть ровесники друзья еврей?

Инф.1: Есть. Есть Саша, он его на два года старше. Ровно на два года. Это моей подруги сын. Они жили в Израиле. Они уехали, когда Саше было годик. Они прожили 11 лет и вернулись. Они жили здесь немножко, а потом муж ее, он украинец, но как еврей, за евреев в огонь и воду. Столько лет прожил с ней... Так вот этот Саша, потом Миша Вайнер, пол года разницы. Мишин папа тоже живет в Израиле, они с мамой его расстались. Так Миша тоже должен был ехать в Польшу и нужно было разрешение отца. Но поздно спохватились и не успел прислать. Уже все документы почти были готовы, поэтому Миша остался. Так вот Миша Вайнер. По-мойму все с мальчиков. Девочек побольше есть у нас. И Марианна Тираспольская. Ей хоть лет двадцать, но у нее такой ум как у моего Саши. Она через чур мамина дочка. Я с ними неделю прожила, так уже жалела, что поехала. Я не могла терпеть ее вот это – Мама, дай то. Мама дай это. Марьяша пошла на дискотеку, а мама нагрела водичку, ждет Марьяшу, чтобы Марьяшу помыть. Потом ложатся спать. Так на меня все это действовало. Ну не могу я такое. Поэтому я говорю, что она того... Она окончила культпросвет. Говорю, Марьяш, куда же ты думаешь? – Тетя Люба, я не знаю, пусть я еще немного отойду от этой учебы. Ну вот, Марьяша эта есть, Римма вот Грановская, у нее еще есть сестричка больная-больная Ина. Кто еще с евреев есть? Штейнгарты есть. Много смешанные браки. Но вот так чисто евреев, так как мы. Только Саша, Миша Вайнер, Марьяна, потом Римма, Оля у нас еще есть, Маша. Эти от смешанных браков уже. Но дружат. И русские, и еврей. И он знает, что он еврей, он не стесняется, как когда-то мы стеснялись. Говорю то, что есть. Даже сейчас, я когда сюда приехала, молодая была. И на работе тоже как-то... А теперь он. Раньше обувная фабрика, почти все еврей были. Главный инженер был еврей. Очень много было здесь евреев, очень. Большой еврейский город был.

Соб.: А Шпиков поменьше был?

Инф.1: Ну, Шпиков поменьше. Но очень много тоже.

Соб.: А почему в вашем классе только трое было?

Инф.1: Вот моя сестра когда училась, на три года старше у меня еще одна сестра есть. Так в ее классе было побольше евреев. Но мы уже как бы, такой возраст, что еврей начали выезжать, уже стало поменьше евреев. По-мойму мы последние закончили обучение в Шпикове, еврей. Вот у меня фотография, поехала к сестре и забрала у нее фотографию, винетку с десятого класса. Вот я, а эта моя сестра. Мы близнецы. У нас так – эта поменьше фотография, эта побольше. Так я взяла свою побольше, а ей поменьше. Вот Нина, а вот я. Три класса. Три десятых класса. А на той винетке, что я ей оставила, там же и моя подруга, которая в Израиль выехала. Она восемь классов кончила.

Соб.: Лиля, вы на шабат в общину каждый раз ходите?

Инф.1: Да, я в основном, столы накрываю, ну они мне дают деньги, конечно, естественно. Я покупаю, что они там говорят. Я накрываю. Потом все убираю. И песни мы поем, и Саша мой тоже поет.

Соб.: А молитвы вы когда узнали?

Инф.1: Вот только недавно. Года два назад, три назад. Саша поехал в Москву с Соней Йосефовной. И я вместе с ней, как работник, поехала в Москву. Там нам давали эти сидуры, эти молитвенники. Мы их привозили сюда. Там нас учили немножко. И в Киева не один раз мы были на всяких семинарах там. Тоже шабаты там проводят. Поем там. Там также все проходит. Только по удлиненной программе. Только столы не такие как у нас накрывают. Там же ж много людей приезжают. Шабаты там, и поют молитвы. А как мы научились петь, а мы там покупал кассеты. Начала я с Сашей, и вот мы их научили всех.

Соб.: А какие кассеты?

Инф.1: Там приезжал белорусский, с Минска ансамбль. Шалом или как его. Есть там. Тысячу кассет наверно у него. Они приезжали туда, в Москву. И выступали перед нами. И вот продавали свои кассеты. И мы купили кассет. И вот мы с Сашей научились петь и вот мы их уже немножко там научили.

Соб.: Там на иврите поется?

Инф.1: На иврите.

Соб.: А на идише вы не поете?

Инф.1: Нет, нет. На идише, вот когда концерты дети ставят... Просто нет литературы. У нас нету с чего учить. А вот иврит да, так мы поем на иврите.

Соб.: А дети поют, когда концерты, песни на идише?

Инф.1: В основном они поют, тум-балалайка, кочен-кочен папиросы, там про сапожника, местечко – красное колечко. Еврейские песни на русском. Нет ничего, никакой литературы, чтобы дети что-то выучили.

Соб.: А вы бы хотели, чтобы такая литература появилась, на идише.

Инф.1: Конечно. Если бы на идише, только русскими этими. Мы читать не умеем.

Соб.: Там же буквы, как в иврите?

Инф.1: Ну так же, как и на иврите. Вот поем мы и чтобы русскими буквами все было. Но русские, евреи – для нас нет разницы. Вот детско-юношеский клуб этот... там же ж не все евреи. Русские дети ходят, и еврейские дети. Каждый раз приводят кого-то другого.

Соб.: А вот русские дети, как вы думаете, зачем они ходят? Потому что их интересует еврейское всякое, или просто потому что им некуда податься, а они хотят петь. У них же нет, вероятно, ничего?

Инф.1: Ничего, ничего такого нету.

Инф.2: Может быть ехать хотят?

Инф.1: Ехать, они не поедут. Потому что у них нет еврейства никакого, как они поедут. Мне кажется, может им это интересно. А может... Там угощения разные дают... Есть разные. Была девочка, которая сказала Саше моего друга – «жид». Он сказал Аркадию Евсеевичу. И еврейские мамы сказали, что наши дети перестанут ходить, если эта девочка будет ходить.

Все. И она перестала ходить. Ну другие пришли, нормальные хорошие дети. Пускай ходят, что жалко?

Соб.: А вот на шабат к вам приходят неевреи?

Инф.1: Не. **К нам когда-то пришла женщина, кто у них больной или что. И им сказали, что надо именно к евреям, чтобы помолились за здоровье того человека.** И подсказали, чтобы придти к Рите. Вот и она сказала, приходите на шабат к нам, и мы помолимся за здоровье этого человека. Два раза были они. Они пришли, послушали, мы помолились и все. А вот женщина, детский врач. Она по отцу еврейка. Документы такие есть, что отец был евреем. Но некоторые тут в Тульчинске говорят, что он не был евреем. Ну вот так выгодно как-то она сделала. А документ есть, что она по отцу еврейка. Она скрывала все года, она говорит, тогда такое время, шас другое. Муж украинец. Так ходят на шабат. Галина Мефодьевна.

Соб.: А вы как к этому относитесь?

Инф.1: Если человек хочет помолиться, пускай ходит, почему бы нет. Мне так кажется, какая разница, еврей или русский. А вот Саша мой, они были в Польше, там как костел, или не костел на территории этого лагеря, а дальше – столовая и там звезда Давида, там проходила утренняя служба. Дети приходили, читали молитву, пели две молитвы, которые мы поем тоже. И некоторые дети даже заходили туда, вот в этот костел. Так он не пошел. Почему ж ты не пошел? Тебя ж никто не просил там молиться, это ж такое, для интереса. Нет, все. Из идейных. Как я могу? Раньше девочки-украинки идут в церковь, его зовут. Ты молится не будешь, ну просто зайди в храм, посмотри. – Мама, ты что, я не пойду. Они придут, они посмотрят, они свечку поставят там. Ну, у каждого свое.

Соб.: А вы сами были когда-нибудь в церкви?

Инф.1: В церкви не... Я скажу по правде, если кто-то увидит, скажет, что Лиля пошла в церковь.. Но посмотреть я бы хотела. Если б где-то экскурсия была, это бы да. Но так я не могу. Неудобно. Мы были один раз, моя подруга сына женила. Венчание. Тогда я была. Ну свадьба, нас пригласили. Как мы не пойдём? Ну они там крестились, это у каждого свое. Мы стояли и смотрели только. Большая церковь в центре города, возле третьей школы. Напротив кинотеатра.

Соб.: А среди католиков у вас нет знакомых?

Инф.1: У моей соседки есть подруга, она полячка. Она себе в костел ходит, та в церковь. А я в синагогу, на шاباتы.

Инф.2: Они все причём знают, у Лили в пятницу шабат.

Инф.1: Моя подруга мне звонит, и говорит: «Лилия, ты наверно на шабат я шла, а я тебе кричала, а ты не слышала».

Соб.: А вы тоже знаете, когда у них какие праздники?

Инф.1: **Я ходила беременная с Сашей, так я работала на обувной фабрике, так мне девченки говорили: «Лилия! Под праздник ничего делать нельзя, ребенок должен родиться здоровый». И я ничего не делала. Даже сейчас, если большой праздник, я не стираю. Но если я не знала и постирала, то бог меня простит.**

Соб.: А какие вот большие праздники есть у них, на которые нельзя работать.

Инф.1: Ну **Пасха православная. Крещение**, допустим там. Да здесь каждый день почти праздник, каждый день колокола – по любому поводу. И надо им к этому священнику идти и носить ему все что надо и не надо. Я говорю, я в бога верую, но в этих священников – нет. Это не только я.

Соб.: Вы сами общались с этими священниками, или это со слов прихожан.

Инф.1: Со слов прихожан. Которые не ходят уже. Мы верим в бога, но не в этих. Допустим у меня соседка умерла 94 г. Меня не было. Дети с Винницы приехали. Так он взял 120 гривен. За что? Что он два слова сказал, и несколько человек пропели, так еще по десятке каждому. Если человек пенсионер, не имеет откуда. Я не говорю за так, за так ладно. Но не говори, сколько. Сколько человек может, он и должен дать. А этот нет, таксу сказал и все. Да, по прейскуранту. Так кому ж верить. Такие, конечно, не все. Есть тут один, Григорий, что в этой церкви, здесь возле школы. Тот боле-менее. Поменьше берет. Кому ж верить? А если Пасха, идут, несут сало копченое, колбасы... Да кому вы несете? У него уже пятеро детей, он всех выучил. За чей же счет? Говорят, у нас такой закон. На Пасху все несут, светят. Потом немножко берет с собой домой. А то оставляют ему.

Инф.2: А стоят перед церковью бедные, а ну чтоб он выкинул им? Так нет.

Инф.1: Я ж говорю, вот была Пасха, так подруга моя. Она принесла мне тоже всего понемножку со своей Пасхи, угощала. Я ей тоже мацу даю, делай то, делай это.

Соб.: Это как они вам говорили, что в праздник такой-то нельзя делать то-то. Вы им тоже что-то такое говорили.

Инф.1: Нет. Они делают. Они не спрашивают, и я ничего им не говорю. Мне они говорят, я ничего не говорю. У нас мало праздников вообще. Ну, у нас Пасха. А им надо все делать, готовится к своей, потому что после нас – у них. Так они ж и белят, они уборку делают и стирают. Меня не спрашивают, а я ничего не говорю. Я по телефону говорю, у нас праздник, ну они поздравляют. Ну они делают свое дело и все. **Правда, на Пасху ихнюю я тоже ничего не делаю.** А если такие мелкие праздники, так извините, у них через день. Даже у нас газета районная выходит, там и еврейские праздники есть, когда какой и православные. Я у них ничего не спрашиваю, но если они говорят, я не работаю.

Соб.: А как вы думаете, в советские еще времена, как люди определяли, когда Песах, когда другой праздник?

Инф.1: Как-то знали, я даже не знаю. Ну были старые люди, были раввины. Синагога была. Как-то знали, наверно. Бабушка к нам постоянно приезжала на праздник. Она с Хмельницка приезжала, это областной центр. Она все знала.

Соб.: А ваша мама знала?

Инф.1: Тоже знала когда, что.

Инф.2: Были ж синагоги. Мацу пекли, милиция разгоняла. Это считалось... Нанимали ж рабочих, во всех районах.

Инф.1: Все тайком делалось, когда я приехала сюда, по-мойму уже не было тайком. Тогда уже разрешили.

Соб.: Вы когда сюда приехали?

Инф.1: В 78 году.

Инф.2: После Хрущева уже делали, приезжали. Со своей мукой, а нет, значит плати. На мацу надо было муку приносить. Перед Пасхой самый заработок. Это ж сезонная работа.

Инф.1: Я еще вышла замуж, дед его пек.

Инф.2: Дед мой стоял у печи, раскатывал вот эти вот. Женщины раскатывали и в печь ложили вручную. Женщины качали в ручную.

Соб.: Это какой дед?

Инф.1: Да его.

Соб.: А где это пекли все, дома?

Инф.1: Дом нанимали, печь была, русская печь. Не у каждого дома была русская печь. Ну у нас, например, как раз русская печь. Легче было всем вместе. Приходили каждая семья, приносили муку и делали.

[выключили диктофон, так как кто-то пришел к информантам].

Инф.1: Ну, Стекольщиков, он уже старый был, он уже не ходил стеклить. Это уже последние годы, понимаешь.

Соб.: А играть, играл?

Инф.1: Играл. В 60-х годах.